

Не является ли Мексика чем-то воображаемым? Таким вопросом задаются почти все приезжающие — да и сами мексиканцы склонны верить в это. И, безусловно, подобная мысль могла возникнуть у любого странствующего писателя из любой страны и во все времена. Потому что Мексика всё больше убеждает в этом своим безупречным, пусть даже внешне, примирением прошлого с настоящим — этих совершенно разных вселенных, придавая невероятную окраску некоторым проявлениям местной реальности. Наслоение культур предлагает как понятные и близкие путешественнику моменты, с которыми он легко может отождествлять себя, так и совершенно нереальные вещи, приглашающие в экзотику.

Мало на Земле мест, которые так часто посещают люди искусства, как эта страна с мощнейшей культурой, радушная и толерантная к иностранцам, благоприятствующая вынашиванию творческих идей и созданию великолепных произведений. Дело в том, что очевидное тяготение мексиканцев к мифологии, недосказанности или таинственности являлось идеальной находкой для писателя, поэтому неудивительно, что большинство из них, живших в Мексике в двадцатом веке, написали или были вдохновлены этой невероятной страной.

В разные времена государство-прибежище, страна, вызывающая вполне объяснимое любопытство, свободная территория, не сковывающая пристрастия и страсти, рай, обладающий магической силой и пропитанный знаниями предков, — Мексика никогда не оставляла равнодушными таких уникальных свидетелей, каковыми являются странствующие писатели. Окружающая реальность для них мало значила — да писатель зачастую её и не замечал, — потому что Мексика предлагает литераторам из стран, где уже потеряли интерес к разного рода авантюрам, возможность проектировать свои собственные фантазии.

Мексика, согласно известной фразе Бретона¹, «настоящему сюрреалистическое место», своим культурным и историческим богатством притягивала очень многих творческих людей: писателей и поэтов (Неруда², Кардоса-и-Арагон³ или Супо⁴), кинематографистов (Сергей Эйзенштейн — фильм «Да здравствует Мексика!»), фотографов (Эдвард Уэстон⁵ и Тина Модотти⁶).

Их ослепление этой страной было настолько велико, что иногда прорывалось несколько утрированным восторгом. Например, в 1931 году итальянец Эмилио Чекки⁷ восклицает по поводу необычных археологических находок, найденных в Мексике: «Пикассо и де Кирико⁸ зря тратили своё время. Ни один из них не создал ничего, равного этим хрустальным черепам»⁹. Или: «Мексика — не жизнерадостная страна. Она лучше, чем просто жизнерадостная: она полна внутренней ярости».

Мексиканская культура, словно магнитом притягивающая западные умы, понятное дело, зародилась не в двадцатом веке — но именно в этот период источником вдохновения для художника становится личное открытие Мексики. Поскольку всегда было сугубо англосаксонской особенностью, мы встречаем многих великих писателей этого языка, погружённых в мексиканскую вселенную: Хаксли¹⁰ — «По ту сторону Мексиканского залива», Лоуренс¹¹ — «Пернатый змей», Грэм Грин¹² — «Сила и слава» и «Дороги беззакония», Малькольм Лаури — «У подножия вулкана» и цикл стихотворений, Джек

¹ Андре Бретон (1896—1966) — французский писатель и поэт, основоположник сюрреализма.

² Пабло Неруда (1904—1973) — чилийский поэт, дипломат и политический деятель.

³ Луис Кардоса-и-Арагон (1901—1992) — гватемальский писатель, эссеист, художественный критик, дипломат.

⁴ Филипп Супо (1897—1990) — французский поэт и прозаик.

⁵ Эдвард Генри Уэстон — американский фотограф XX века.

⁶ Итальянский фотограф, актриса и революционерка.

⁷ Итальянский сценарист и продюсер.

⁸ Итальянский художник XX века, близкий к сюрреализму.

⁹ Хрустальные черепа — наследие цивилизации майя.

¹⁰ Оддос Леонард Хаксли — английский писатель, новеллист и философ XX века.

¹¹ Дэвид Герберт Лоуренс — один из ключевых английских писателей начала XX века.

¹² Генри Грэм Грин — английский писатель XX века.

Керуак¹³ — «В дороге», Уильям Берроуз — роман «Джанки», с которым он заявил о себе как о писателе, Аллен Гинзберг¹⁴ — множество стихотворений. Мексикой вдохновлялись Харт Крейн¹⁵, Говард Фаст¹⁶ и наши современники — Фрэнк Голдман¹⁷ и Дэвид Лида¹⁸.

Даже если раздражение и недовольство Мексикой случаются чаще, чем восхищение ею (например, очень много разочарованных описаний у Грина, в переписках Лоуренса, Лаури или Берроуза), — это не мешает этой стране оставлять необычный, неизгладимый след в творчестве литераторов.

Писатели выказывают абсолютную неприязнь к окружающей неприглядной реальности, беспощадно вырисовывая её, — и при этом находятся в каком-то странном двойственном состоянии любви-ненависти к этой стране: одновременно очарованные ею — и в то же время отвергая нехарактерные для своего менталитета особенности, к которым не могут привыкнуть. Читатель иногда задаётся вопросом: не собственное ли неприятие так завораживает писателя, что его сознание, противостоящее инаковости, в то же время заморожено этим невероятно магнетическим инобытием?

К тому же Мексика, где страсти и пороки не осуждаются, привлекает их своей свободой и толерантностью. Многие писатели, пускавшие во все тяжкие и в своих странах, превращают мексиканский рай в свой собственный ад. В большей степени вышесказанное относится опять же к англосаксонской литературе. Теннесси Уильямс¹⁹ ищет там молодых партнёров, а Амброс Бирс²⁰ жаждет умереть в революционной буре, что подтверждает его переписка.

Уильям Берроуз во время своего пребывания в Мексике с 1949 по 1952 год попадает в весьма драматическую ситуацию.

¹³ Американский писатель и поэт.

¹⁴ Ирвин Аллен Гинзберг — американский поэт второй половины XX века.

¹⁵ Харт Крейн — американский поэт начала XX века. Покончил жизнь самоубийством, бросившись с корабля в Мексиканский залив.

¹⁶ Говард Мелвин Фаст — американский писатель и общественный деятель.

¹⁷ Франсиско Голдман (1954 г. р.) — американский писатель и журналист.

¹⁸ Американский писатель и блогер.

¹⁹ Американский драматург и прозаик начала XX века, лауреат Пулитцеровской премии.

²⁰ Амброс Бирс (1871—1913) — американский писатель и журналист, погибший в Мексике в ходе гражданской войны.

Бывший наркоман и начинающий автор, он приезжает в столицу с женой и детьми, практически не умея писать.

Его первое впечатление радостно, чуть ли не идиллически. «Как здорово вырваться из США на свободу в эту благородную и гордую страну!» — пишет он своему другу Джеку Керуаку. «Свобода» для него прежде всего — это возможность свободно носить огнестрельное оружие (его страсть), без проблем доставать наркотики, а главное — без опасений делать всё, что душе угодно, — благо коррупционные правоохранительные органы равнодушны к подобным вещам. Тем не менее он не теряет здравомыслие и признаётся Керуаку, что у него более-менее сносно потому, что он с семьёй живёт в довольно фешенебельном районе, в то время как деклассированные элементы «испражняются прямо на улицах, потом ложатся и спят в собственном дерьме, а мухи влетают им в рот».

И хотя никто из мексиканских художников или писателей особо не дружит с ним, у него много знакомых и приятелей среди аборигенов. И в этом непосредственном контакте с Мексикой Берроуз начинает понимать все её невероятности и тонкости. «В Мексике твои желания обретают магическую силу. Хотите вы встретить кого-то — и он тут как тут», — пишет он в своём романе «Джанки». И там же: «Маñana» означает «ждать благоприятного момента», имея в виду ту лёгкость, с которой жители избавляются от любой проблемы, забывая о ней на неопределённый срок. Возможно, непостижимость местного мира позволяет ему воплощать свои собственные химеры. В любом случае в его стремлении к необычайному, в возможном — вернее, желательном — существовании магических сил, предсказываемых и вызываемых им, обнаруживается своё прочтение мира, которому литература придаёт особую форму. Это невероятные совпадения, случайности, возникшие из ниоткуда, и знамения, которые нужно истолковывать.

Несмотря на то, что он не интересуется современной мексиканской культурой, Берроуз изучает доиспанские культуры, погружается в миры ацтеков и майя с желанием поверить в них и уйти от окружающей реальности.

После окрылённости первых недель его природа снова берёт верх над ним, а разрыв с действительностью приводит к трагедии шестого сентября 1951 года. В квартире своего приятеля в центре Колонии Рома²¹ мертвецки пьяный Уильям Берроуз

²¹ Colonia Roma — элитный район в Мехико-Сити.

выстрелом в голову убивает свою жену Джоан. Они играли в Вильгельма Телля, только на её голове был стакан вместо яблока²². Позже он скажет поэту Брайону Гайсину²³, что им овладел «злой дух» и что с тех пор его жизнь и его творчество будут находиться на пересечении этого злобного духа и мук его совести.

После короткого заключения под стражу он выходит на свободу, потому что судья апеллирует забавной формулировкой «преступная неосторожность». Окончательно он покидает страну в 1952 году, уже абсолютно убеждённый, что «Мексика его дом больше, чем любое другое место». А главное — потому что именно в этой стране ему раскрывается смысл литературного творчества: «Я вынужден с ужасом признать, что если бы не смерть Джоан, я никогда не стал бы писателем, и признаю, до какой степени это событие послужило причиной моего писательства и определило моё творчество. Я живу в постоянном страхе одержимости духом, в постоянной необходимости бежать от его тотального контроля. Так смерть Джоан связала меня с захватчиком, с Ужасным Духом, и подвела меня к той пожизненной борьбе, из которой у меня нет другого выхода — только писать».

На пепелище своей мексиканской жизни он создаёт литературное произведение, пронизанное чувством вины и теорией заговора сверхъестественных сил.

Жизнь Берроуза в Мексике прошла в пагубных пристрастиях и трагедии, но ему на этом пути предшествовал Малькольм Лаури²⁴, чьё пребывание в этой стране также было ознаменована бедами, невзгодами и трагедией.

В 1939 году Лаури со своей женой Ян прибывает в Мексику. Ему двадцать шесть лет, он уже успел издать написанный в духе Конрада²⁵ роман «Ультрамарин», безуспешно пытался пристроить своё перо на службу Голливуду и теперь ищет комфорта, экзотики и недорогую для жизни страну, чтобы посвятить себя литературной работе и жить на те скромные деньги, которые высылает ему отец. По воспоминаниям Лаури, они прибыли в Мексику в тот самый «день мёртвых», который станет фоном его знаменитого романа «У подножия вулкана», —

²² По преданию, Вильгельм Телль попал из лука в яблоко, стоявшее на голове его малолетнего сына.

²³ Американский художник-сюрреалист и писатель, близкий друг Берроуза.

²⁴ Англо-канадский писатель, живший в Мексике с 1936 по 1939 гг.

²⁵ Джозеф Конрад — английский писатель, эссеист и сценарист польского происхождения.

именно в этом он увидит потом некое знамение. Супруги поселяются в Куэрनावак (Куаунауак в романе), и молодой автор начинает писать историю, которая впоследствии станет знаменитым романом. Это займёт у него десять лет.

В Мексике Лаури проходит лесом символов в зазеркалье, которое отсылает его к себе самому, к своим навязчивым идеям. Он обнаруживает скрытые за внешним фасадом элементы другой реальности. Не веря в случайное совпадение, он видит в пышных садах Куэрनावак отображение рая, в дне своего приезда — странное предзнаменование. Он мало что знает о мексиканской культуре и литературе, которая его и не интересует, — и всё же он обладает замечательной способностью чувствовать, улавливать внешний мир и находить в нём источник вдохновения.

Роман «У подножия вулкана» композиционно выстроен как погружение в прошлое, поскольку действие первой главы разворачивается через год после описываемых событий, — Мексика сама по себе подразумевает общение с прошлым, изначально являясь идеальным местом для подобного общения. Этот роман нельзя изложить вкратце — настолько он плотный и сложный. Это история о разбитой любви, об экзистенциальной тоске, о поиске собственного достоинства, о несправедливости и обмане, о невозможности изменить что-либо в жизни и об искушении преисподней. Напомню, мы разделяем последний день Джеффри Фирмина, бывшего британского консула в Куаунауак, неизлечимого алкоголика, который идёт навстречу своей смерти. Это роман о человеке, создавшем самому себе земной ад, усеянный библейскими и эзотерическими символами, в которые он погружается. Единственный возможный конец для консула — это закономерная смерть, предначертанная судьбой.

Лаури создаёт декорации и прибегает к художественным приёмам, отражающим его навязчивые идеи: ожидаемый образ рая — город Куэрनावак, сады которого странным образом напоминают сады Эдема, и прообраз ада — глубокое ущелье, где исчезает труп консула. Вся жизнь консула основана на ошибке — и попытка прийти к высшему познанию с помощью алкоголя ускоряет его гибель. Любовный треугольник (консул — жена — сводный брат консула) загоняет каждого персонажа в свой тупик, худшим из которых является невозможность избежать трагедии. Мексика для Лаури — это место неизбежной фатальности. «Ритм медленный, трагический и меланхоличный. Абсолютно мексиканский, — пишет он Капе, своему редактору, а затем: — Идеальное место для

нашей драмы — о человеческой борьбе между силами света и тьмы. Это рай, но, без всякого сомнения, это и адское место».

По его мнению, Мексика с её меланхолическими и ностальгическими пейзажами идеально подходит для раскаяния, для упоения своим страданием. Консул, разъедаемый чувством вины, сомневается, сможет ли он жить дальше, не впадая в цинизм, и укротить свою горечь и своих демонов. И что для него алкоголь в этом преодолении — цель или средство?

При чтении романа создаётся твёрдая уверенность в том, что он полон символов и знаков, что каждая мелочь имеет скрытый смысл в этом хаосе и нагромождении элементов: колесо удачи, объявления в общественном парке, киноафиши, ресторанные меню, бой быков... Лаури видит скрытые знамения в каждом событии в своей жизни и использует их в романе. Его особое умение прочитывать окружающее заставляет вас сомневаться в реальности происходящего: «Ивонна — если только это не видение, сотканное из тончайших нитей прошлого, — возилась в саду...» Лаури прекрасно отдаёт себе отчёт, что Мексика способна вызывать и не такие ассоциации и мысли. Он не верит в случайное совпадение — он чувствует, что прибыл в предназначенное судьбой место, где всё имеет глубокий затаённый резонанс, вызывающий пусть даже и придуманные воспоминания. Он очарован меланхоличностью, которую Латинская Америка страстно и утончённо совершенствует, и предугадывает то щемящее чувство, который Гарсиа Маркес называл «ностальгией ностальгии».

«У подножия вулкана» повествует о навязчивой мысли расставания, о разрыве, который приводит к смятению и трагическому финалу (хотя сам Лаури тоже разведётся со своей женой и вернётся в Мексику с новой спутницей). Там он узнает — ещё одно совпадение, — что его издатель хочет опубликовать «У подножия вулкана», и начнёт писать книгу о своём возвращении: «Тьма, как в могиле, где покоится мой друг».

Сила написанного им такова, что поневоле убеждаешься в правоте слов Макс-Пола Фуше²⁶: «Вино Лаури — это вино мистиков», — и эта сила способна смыть все грехи. Более того — мескаль²⁷ Лаури приводит его к абсолюту, в котором не только исчезает чувство вины, но и стирается граница между виной и доблестью, между героизмом и издевательством.

²⁶ Французский поэт, писатель, искусствовед и телеведущий XX века.

²⁷ Мексиканский алкогольный напиток из ферментированного сока агавы.

Как уже говорилось, Мексика любит творческих людей и относится к ним благосклонно. Даже если иностранные писатели не ищут контакта с местными и часто остаются незаметными, их всё равно хорошо воспринимают — во всяком случае, лучше, чем во многих других странах. Из-за своей толерантности, вписанной в правила общественной жизни, Мексика стала пристанищем для многих представителей умственной и творческой деятельности. Ещё с девятнадцатого века (не будем возвращаться к конкисте) Мексика считается страной-убежищем в основном для латиноамериканцев — например, для кубинца Хосе Марти²⁸.

В двадцатом веке Мексика подчёркнуто принимает изгнанников. Приведём самые известные факты, когда Лазаро Карденас, президент страны, согласился принять Троцкого и тысячи испанских республиканцев, разбитых армиями генерала Франко. К высланным режимом Франко писателям Максиму Аубу, Луису Чернуде, каталонцу Пере Кальдерсу Мексика относится особенно дружелюбно, и многие писатели остаются здесь жить, надеясь на гипотетическое возвращение домой.

Немецкие и австрийские антинацисты, евреи из Восточной Европы, спасающиеся от нацизма, кубинцы, находящиеся в оппозиции действующей власти (Элисео Альберто, Жозе Мануэль Прието в наши дни), латиноамериканские писатели, сбежавшие от диктатуры, — чилийцы Поли Делано и Роберто Боланьо, гонимый Тито Монтерроса, гватемалец Луис Кардоса-и-Арагон, аргентинцы Мануэль Пуиг, Роло Диес, колумбиец Габриэль Гарсиа Маркес, американец Говард Фаст²⁹, которому угрожали маккартизмом³⁰, — вот далеко не полный перечень тех, кто нашёл приют в Мексике. Или французы, спасающиеся от войны и не имеющие других возможностей найти страну-пристанище, — тот же Бенжамен Пере³¹, который вначале хотел эмигрировать

²⁸ Кубинский поэт, писатель, публицист, переводчик, философ и революционер, лидер освободительного движения Кубы от Испании в XIX веке.

²⁹ Говард Мелвин Фаст (1914—2003) — американский писатель и общественный деятель. Его отец Барни Фастовский — украинский еврей.

³⁰ Маккартизм отличают политический экстремизм, нетерпимость к инакомыслию, «охота на ведьм». Своё название течение получило от фамилии сенатора Джозефа Маккарти, который в 1950—1954 гг. возглавлял кампанию по борьбе с «внедрением коммунистов» в государственные органы.

³¹ Французский поэт и писатель сюрреалистического направления. Жил в Мексике с 1941 по 1947 год, изучал культуру местных индейцев. После возвращения в Париж создал антологию мифов доколумбовой эпохи и написал поэму «Air Mexicain».

в Соединённые Штаты и которому было отказано во въезде из-за его коммунистической деятельности. В эту же категорию попал и Виктор Серж, российско-бельгийский анархист.

Бенжамен Пере, близкий друг Андре Бретона, отправляется в Мексику в надежде встретиться с Троцким. После довольно долгого пути с проживанием на вилле Бэль Эйр в окрестностях Марселя — в убежище, основанном меценаткой Пегги Гутгенхайм³², чтобы художникам и интеллектуалам, покинувшим Европу в связи с угрозой нацизма, было где спрятаться, — в декабре 1941 года Пере прибывает в Мексику вместе со своей спутницей, художницей Ремедиос Варо. Они селятся в скромной квартире недалеко от памятника Мексиканской революции. Информации, на какие средства они жили всё это время, сохранилось немного, но, похоже, денег Пегги Гутгенхайм им хватало только на самое необходимое.

Пере часто можно увидеть во французском книжном магазине, который основал каталонский политик и редактор Бартоломео Коста-Амик, также изгнанный режимом Франко, — но его крайне левые политические взгляды не приводят ни к какому диалогу с мексиканской интеллигенцией. Пере живёт за счёт публикаций своих статей в троцкистских журналах. Также он напишет несколько предисловий — например, к переведённому на испанский кубинской писательницей Лидией Кабрера роману «Дневник о возвращении в родную страну» Эме Сезера³³. Но без политической борьбы — единственного стимула и источника вдохновения — творчество его почти гложет. Позже, по возвращении во Францию, Пере скажет, что ему было скучно и что «Мексика — страна, которая интересуется только Мексикой».

Конечно, ему было бы очень трудно, если бы не сообщество парижан, к которому он сильно привязан и является одним из самых активных его членов. Дружба с Бретоном, живущим в Нью-Йорке, почти сводится на нет; более того, по материальным причинам между ними даже возникает небольшое разногласие. Плюс ко всему в Мексике он расстаётся с Ремедиос, которая бросает его ради лётчика.

³² Американская еврейка, меценат и коллекционер искусства XX века.

³³ Эме Сезер — французский писатель, поэт и общественный деятель. Родом из Мартиники. Антиколониалист, сторонник независимости Мартиники, один из создателей концепции негритуада.

Но именно в Мексике Пере пишет свой знаменитый памфлет «Бесчестье поэтов», которым отвечает на брошюрку, появившуюся во Франции в 1943 году, а затем переизданную в Бразилии и подписанную поэтами различных взглядов, в том числе и Полем Элюаром, незадолго до этого обратившимся в сталинизм. В своём памфлете Пере с характерным для него остроумием обвиняет поэтов Луи Арагона и Поля Элюара в буржуазном перерождении, называя их стихи «поэзией обстоятельств». По его мнению, поиск абсолюта, который мотивирует и порождает творческий акт, не может быть сведён к этой простой формуле.

Под конец своего пребывания в Мексике Пере выставляет на продажу предметы доиспанского искусства, которые у него были, и отправляется на полуостров Юкатан. Эта поездка оставит неизгладимое впечатление в его сердце. Потом он будет работать библиотекарем во вновь созданном Французском институте Латинской Америки. А в 1947 году благодаря пожертвованию от Пикассо (сделанному за спиной Пере) будет собрана необходимая сумма, чтобы купить обратный билет во Францию. Этот факт как нельзя лучше описывает его финансовое положение.

По возвращении время и расстояние превращают Мексику в источник вдохновения. Пере переводит книгу Чилам-Балам³⁴, создаёт антологию мифов доколумбовой эпохи, пишет поэму «Мексиканский воздух». Но он любит только миражи и иллюзии этой страны. За годы, проведённые в Мексике, он мало что сказал об этой стране из-за неприятия её реалий. И теперь, когда Мексика не противоречит его мечтам и вымыслам, а реальность не стреножит воображение, Бенжамен Пере может придумать свою Мексику, и его перо целиком посвящено этой стране, превращая её в некое пространство, где величественно сливаются земная мощь и богатство природы. Пере является живым свидетельством того, что сила мексиканских реалий может отторгнуть художника и обратить его творчество вспять. И всё же Мексика — это территория, созданная для художественного творчества.

Мексика, наполненная древними знаниями, тайнами и легендами, также является местом примирения человека с космосом. Начиная с Арто³⁵, который навещает индейцев

³⁴ Индейские мифы на языке юкатека.

³⁵ Антонен Арто (1896—1948) — французский писатель, поэт, драматург, актёр театра и кино, художник, киносценарист, режиссёр и теоретик театра.

тараумара³⁶, и кончая мистическим Кастанедой³⁷, Мексика — это средоточие другого мировоззрения, где сила этой земли и наркотики открывают иностранцу новые перспективы, предлагая ему иные миры, иную реальность. Магические ритуалы — эти двери восприятия, как сказал бы Хаксли, — не могут не привлекать людей, чья жизнь сосредоточена на игре воображения, фабуляции — смеси вымышленного с реальным. Ходоровски³⁸ и Ле Клезио³⁹ находили на этой земле пищу для размышлений. Мексика вызывает такое чувство непостижимой тайны, что даже такой автор, как Травен⁴⁰, не только написал серию исключительных романов, пронизанных этой атмосферой, но и не устоял перед искушением превратить свою жизнь в загадку.

Роман Травена о мексиканских крестьянах «Сборщики хлопка» был очень положительно воспринят читателями и критиками, а следующий, «Сокровища Сьерра-Мадре», закрепляет его славу среди более широкой аудитории. Море, сельвы Чьяпаса⁴¹ и нефтяные месторождения Мексиканского залива — его любимые панорамы. В романах Травена веет ветер восстаний и перемен, а сам автор разделяет взгляды людей, которых он хорошо знает и чья несправедливая судьба вызывает его возмущение. Он выражает свою нежность и восхищение теми, кто страдает и ищет пути выхода для всех. Насквозь пропитанный мексиканской действительностью, Травен наделён большой наблюдательностью, которую ставит на службу своему потрясающему перу.

И словно в баланс этому, свою биографию он окутывает тайной, благо Мексика — идеальное место для всякого рода тайн и секретов. «Здесь считается отсутствием такта и чуть ли не оскорблением выспрашивать у человека, кто он, откуда,

³⁶ Мексиканские индейцы, непревзойдённые бегуны, способные преодолевать сверхдальние расстояния (более 150 км). Тараумара могут загнать даже оленей и кабанов.

³⁷ Карлос Кастанеда (1925—1998) — американский писатель, мыслитель эзотерической ориентации и мистик. Автор книг «Учение дона Хуана: Путь знания индейцев яки», «Магические пассы: практическая мудрость шаманов древней Мексики» и др.

³⁸ Алехандро Ходоровски — чилийский актёр, режиссёр, драматург, писатель. Известен своими эзотерическими, сюрреалистическими и шокирующими фильмами.

³⁹ Жан-Мари Гюстав Ле Клезио — французский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе 2008 года. Жил в Мексике и Панаме.

⁴⁰ Бруно Травен (1890—1969) — немецкий писатель. Умер в Мексике.

⁴¹ Штат на юге Мексики на границе с Гватемалой.

род его занятий, происхождение, планы», — пишет он. Пресловутый скрытный мексиканский характер очень удобен тому, кто хочет затеряться. И несмотря на все усилия того же Бруно Травена скрыть подробности своей биографии, сегодня она стала достоянием общественности.

Скрываясь под именем Рета Марута, немецкого воинствующего анархиста, он бежит из Германии после разгрома Баварской Советской республики, которую активно поддерживал, и высаживается в порту Тампико⁴². Он скрывается, работает сборщиком хлопка, золотоискателем, погонщиком скота, прилагает ряд усилий, чтобы его имя было забыто, а вскоре начинает писать приключенческие произведения. Он даже угрожает покончить с собой, если какой-нибудь журналист будет интересоваться им, — но в то же время поддерживает знакомство с высокопоставленными людьми. Травен — уникальный случай среди многочисленных иностранных писателей, угодивших в ловушку мексиканской реальности или очарованных её призраками. Он сам делает тайну из реальности, из своей собственной жизни и рассматривает литературу как средство рассказывать об окружающем мире и его удушающем бесстыдстве.

Какими бы ни были причины для приезда в Мексику, писатели очаровываются вселенной, которую они здесь открывают, и этот эффект бывает или мгновенный, или поздний, как в случае с Пере. Страна умеет скрывать свои тайны, хотя они всегда в пределах досягаемости для самых любознательных, — точно так же великое литературное произведение может и скрываться, и открываться. Мексика покоряет любого писателя, будь то свой или приезжий. Местная литература одержима своими тайнами и своими традициями. Иностранец же автор открывает страну в двойном смысле этого слова. С одной стороны, он является привилегированным свидетелем сложного места, чьи коды он учится расшифровывать (или подгонять под себя), а с другой — его видение обнажает изучаемый предмет. Он открывает для себя прелести этой страны, её бездны и ловушки; восхищается её чрезмерностями и разделяет её страдания; критикует её недостатки и в то же время понимает, что не несёт за них ответственности... Он похож на читателя бесконечного романа, с которым сросся навеки. Ведь он знает, что за внешней картиной скрываются совершенно другая истина и другая реальность.

Перевод с испанского и пояснения Шахризы Богатырёвой

⁴² Порт в Мексиканском заливе.